

Из оставшихся 140 000 на строительство дома ушло 100 000. Хотя дом принадлежал семье Ван, Ли Цинжань имел право жить в нем. Тем не менее, Ван Шоуминь все еще чувствовал себя неловко и втайне дал Ли Цинжаню 10 000 юаней.

Дом строился удивительно быстро. Хотя работы начались только в марте, к апрелю строительство было практически завершено, оставалось только поднять балку.

Ван Даху потряс головой малыша Ван Сяоху, словно погремушку, заставив того скалиться и коситься на него, а затем обратился к Ли Цинжаню:

— Я знаю, что в душе ты, возможно, не хочешь переезжать сюда и жить с нами, но ты же знаешь, что моя семья стала больше переживать после того случая, и они стали следить за мной еще строже. Но я не хочу расставаться с тобой, даже на секунду, не говоря уже о том, чтобы не видеть тебя каждую ночь, не обнимать тебя и не чувствовать твоего теплого и мягкого тела. Я бы не смог заснуть! Правда! — Ван Даху широко раскрыл глаза, стараясь выглядеть как можно более искренним. — Поэтому, чтобы не допустить превращения тигра в панду, что противоречит эволюции, ты согласишься, да?

— ...А если я скажу, что не согласен, это поможет?

— Извини, похоже, что нет.

Маленький ребенок, живущий один вдали от людей, в любом случае не может вызывать спокойствия.

— Ну вот и всё! — Ли Цинжань успокоил малыша, которого Ван Даху довел до слез, и с легким вздохом сказал.

— На самом деле, тебе не обязательно всё время жить здесь, например, днем или иногда я могу пожить с тобой там...

— Всё в порядке! — Ли Цинжань вдруг поднял голову и сказал. — Где ты, там и я!

Услышав это, Ван Даху почувствовал, как у него защемило в носу, и подумал: неужели это и есть «замуж за курицу, следуй за курицей, замуж за собаку, следуй за собакой»?

Хи-хи-хи-хи-хи...

Пятое мая, счастливый день.

Под громкие хлопки фейерверков новый дом семьи Ван наконец встретил своих хозяев.

Новый дом представлял собой очень красивый двухэтажный особняк площадью около 180 квадратных метров. Помимо гостиной, в нем было пять комнат. Комнаты Ван Даху и Ли Цинжаня находились на втором этаже, и, естественно, они жили в одной комнате. Стены были белыми, как снег, на полу лежала светло-желтая сосновая доска. Две односпальные кровати стояли рядом с небольшим промежутком между ними, а на них были постелены простыни с розовыми клубничными узорами, которые специально выбрала Чжан Фан.

Ван Даху потянул шторы в том же тоне и, обернувшись к Ли Цинжаню, пошутил:

— Похоже, мама хочет растить из нас девочек!

Ли Цинжань легонько на него фыркнул.

Хотя комната была несколько «женственной», каждая деталь в ней отражала заботу тех, кто ее обустроивал.

На аккуратно покрашенных белых книжных полках уже стояло десяток книг. Учитывая рост детей, полки были сделаны низкими, чтобы они могли легко дотянуться до них. Рядом с полками стоял большой прямоугольный письменный стол из массива дерева, предназначенный для учебы и выполнения домашних заданий. Кроме того, в комнате было много других небольших, но оригинальных деталей, которые заставляли Ли Цинжаня останавливаться и рассматривать их.

В общем, это была уютная и комфортная комната.

— Начиная с сегодняшнего дня, это твой дом! — С улыбкой сказал Ван Даху.

Ли Цинжань слегка удивился, а затем, улыбнувшись, кивнул.

Осмотрев свою комнату, Ван Даху потащил Ли Цинжаня на «экскурсию» по дому. Двое детей, словно любопытные котята, бегали по дому, исследуя каждую деталь.

Вечером вся семья собралась за столом, чтобы отпраздновать новоселье.

Дед и бабушка заняли почетные места, рядом с ними сидели Ван Гуанцзун и Чжан Фан, а затем тетя Ван Цзиньфэн и ее муж Цинь Ванью. Их дочь Цинь Лань сидела рядом с Ван Даху и Ли Цинжанем. Поскольку Ван Яоцзу, известный как Чихуахуа, должен был преподавать, на этот раз он не приехал.

Папа Ван Даху, будучи старшим сыном, первым поднял кубок и произнес несколько поздравительных слов. Цинь Ванью также подхватил, шутя и поднимая настроение всем за столом. Шесть мясных блюд, шесть овощных и два сладких супа — стол был полон разноцветных блюд, вызывающих аппетит.

Ван Даху хотел положить Ли Цинжаню кусочек тушеной свинины, но его опередили.

— Братик Жаньжань, это тушеная свинина, очень вкусно! Это любимое блюдо Лань-лань, попробуй!

— Спасибо, сестрица, — вежливо ответил Ли Цинжань.

Цинь Лань почувствовала, как у нее подкосились ноги. В отличие от привычных ей грубых и загорелых мальчишек, Ли Цинжань был белым и нежным, с изысканными манерами, как маленький аристократ из древних времен, что сразу вызывало симпатию.

Поэтому, как только Цинь Лань увидела его, она сразу же потеряла голову и, как маленькая собачка, начала крутиться вокруг него.

Ван Даху, наблюдая за этим, почувствовал легкую зависть и убрал свои палочки для еды.

Взрослые за столом не обращали внимания на детские «разборки», продолжая пить и веселиться.

Вечером Ван Цзиньфэн и ее семья остались ночевать. Ван Даху нашел момент, чтобы спросить о ситуации в деревне Кунцзятунь. Он не беспокоился о той семье, но боялся, что они снова попытаются причинить вред Ли Цинжаню.

— Бабушка Кун, похоже, уже на последнем издыхании, — сказала Ван Цзиньфэн, смягчая свои обычно строгие черты лица. — Эта семья сейчас живет не очень хорошо.

Не просто не очень — ужасно.

После того как Кун Даго занялся похищением детей, он вызвал ненависть всей деревни. Ведь у каждого дома был ребенок! И все они жили в одной деревне, как можно быть таким подлым! Кроме того, эта семья всегда отличалась скандальным характером, и даже без повода могла устроить ссору. Поэтому теперь вся деревня подписала петицию, чтобы выгнать Ян Ли и ее семью, и каждый день люди приходили к сельскому комитету с плакатами и лозунгами, что вызывало головную боль.

— Не обращай внимания на эту грязь, — Ван Цзиньфэн потрепала Ван Даху по голове, и в ее голосе чувствовалась ненависть. — Они не стоят нашего внимания.

Очевидно, что она до сих пор не могла простить Кун Даго за то, что он сделал с ее племянником. Хотя Ван Цзиньфэн была «строгой», она искренне любила Ван Даху, как в «прошлой жизни», так и в этой.

Услышав, что его враги живут плохо, Ван Даху почувствовал себя на седьмом небе. Он подумал, что, раз их жизнь превратилась в хаос, у них вряд ли будет время искать неприятности ему и Ли Цинжаню. Хотя, честно говоря, они, вероятно, больше не осмелятся появиться здесь, иначе семья Ван просто разорвет их на части.

— Быстрее, тетя, расскажи мне еще об их несчастной жизни, я уверен, что сегодня вечером мне приснится отличный сон!

Ван Цзиньфэн лишь молчала.

На следующее утро Ван Цзиньфэн и ее семья, с неохотой покидая дом, уехали обратно в деревню Кунцзятунь. Через несколько дней родители Ван Даху и «Ван Таосянь» вернулись в город.

Когда все «мешающие» уехали, Ван Даху ожидал, что начнется их с Ли Цинжанем сладкая жизнь вдвоем, но этого не произошло, потому что в последнее время Ли Цинжань стал очень усердно учиться. Каждый вечер он занимался до поздней ночи и заставлял Ван Даху делать то же самое, говоря, что поможет ему наверстать упущенное. Таким образом, дедушка и бабушка Ван Даху с радостью заметили, что их внук стал «любить учиться», как сказала бабушка:

— В нашей семье Ван снова появится студент!

Эх! Ван Даху тяжело вздохнул. Если бы его спросили, что больше всего доставляет ему хлопот после перерождения, он бы без сомнения ответил — «снова учиться в школе». Для человека, который уже прошел через десятилетия изнурительного образования, повторение этого опыта было мучительным. Поэтому, когда Ли Цинжань заставлял его учиться, Ван Даху с наглым лицом заявлял, что он гений, и даже если он не будет слушать на уроках и не делать домашние задания, он всё равно сможет занять первое место в классе.